

Взаимный роман с лесом.

Корреспондент «Р» отправилась в увлекательное путешествие по лесу вместе с лесопатологом – доктором, который лечит деревья.

— Стоп! — Надежда Вишневская удерживает меня за рукав куртки. — Вот же он, наш очередной пациент. Не видите?

Не вижу. Ясень как ясень. Слегка пожелтевшая листва. Так осень же... А снизу, от самых корней, и выше — о, чудо! — россыпь маленьких опят. Какой же здесь пациент — у раскидистого ясеня

все просто замечательно! Но инженер-лесопатолог Лиозненского лесхоза одергивает мой восторженный энтузиазм: не все то, что для человека благо, является таковым же для деревьев. А красивые и вкусные грибочки моя спутница называет не иначе как паразитами. Обидно даже, я уже представила вкус этих поджаристых «паразитов» на горячей сковородке. Надежда Михайловна внимательно осматривает ствол:

— С ясенем в наших лесах — настоящая беда. Он массово болеет армиллариозной (вот словечко-то! — Авт.) гнилью корней. Если раньше опята, как их называют в народе, росли в основном на валежнике да пнях, то теперь все чаще селятся на живых корнях ясеня. Корни гниют, усыхают, вываливаются, и деревья оказываются подрезанными.

Да, ясень, конечно, жалко. Но, оказывается, в лесу очень много и других «пациентов». Распространенных болезней десятки, если не сотни. Они, как и у человека, принимают различные формы, под действием экологии видоизменяются, мутируют, адаптируются к «лекарствам». Вот доктор Вишневская достает увеличительное стекло и рассматривает сосновую шишку. Вроде бы ничего особенного в ней нет.

— Видите, еле заметные следы с белым налетом? Это сосновая смолевка поработала. Жуки повреждают репродуктивные органы. Прилетают и хоботком вгрызаются в шишку, оставляют там личинки. В итоге уничтожают до 50—100 процентов семян. По такой же схеме вредят на еловых шишках еловые огневки. Борьба с ними очень сложно. Это практически бесконечный процесс, поэтому мы берем под особый контроль только лесосеменные объекты — те плантации, где собираем шишки для будущих сеянцев.

Мы идем по лесу дальше, мое романтическое настроение исчезло, но появился охотничий азарт — я сама хочу найти паразитов, уничтожающих этот красивый лес. Лесопатолог улыбается: дилетанту разобраться в болезнях и диагнозах просто невозможно. А вот для специалиста это очень интересная и увлекательная работа, та сфера, где всегда есть место для экспериментов, а значит, и для научных открытий.

Надежда Михайловна с любовью рассказывает о лесе, как о живом организме. Загадочном, постоянно меняющемся, до конца не познанном.

— Быстро устаю в городе, дома, на огороде. Задыхаюсь. Но в лесу, несмотря на многокилометровые переходы, у меня — сплошной отдых. Азарт и возбуждение, как у гончей собаки. Лучше любого фитнеса. Страх? Да что вы, в лесу можно бояться только встречного человека, но никак не лесных обитателей. Однажды, когда я еще работала в Добромыслянском лесничестве мастером леса, пошли с напарником делянку под вырубку отводить. Идем, а ощущение такое, что за нами кто-то следит всю дорогу. Добрались до места, повесили сумки с харчами на дерево и занялись делом. Возвращаемся — а от нашего обеда одни ошметки остались. Рядом — следы медведя. Оказалось, что он несколько километров за нами по лесу шел, всего в 100—150 метрах. А с медведями я, кстати, познакомилась еще на Дальнем Востоке.

Я прошу подробнее рассказать о том, как уроженка Брестской области оказалась в северных краях, и Надежда Вишневская охотно продолжает. Выросла она, как я и предполагала, в деревне — среди бора. Для деревенской детворы лесные уголья были и домом, и игровой площадкой, и ягодно-грибной плантацией. Плюс два лесных озера в округе. Одним словом, жизни своей без сосенок юная выпускница школы не представляла и подалась в брянский институт на лесохозяйственный факультет. Почему брянский? Просто из Бреста туда ходил прямой поезд. Мечтала работать в заповеднике, но после получения диплома вместе с двумя парнями-однокурсниками решила вдоволь испытать романтики и по распределению отправилась на Дальний Восток. Работала в тайге инженером лесного хозяйства, рядом с БАМом, недалеко от Комсомольска-на-Амуре, в местности, приравненной к районам Крайнего Севера. Там замуж вышла за инженера охраны леса. Так и стала таежницей на целых 14 лет.

— Поселок небольшой, человек 200 всего. А края красивые — аж теперь дух захватывает, когда вспоминаю, как лесной багульник на сопках цветет. У меня сначала сынишка, потом дочка родились. Так вот я на коляске детей выгуливаю, а на соседней сопке медведица с медвежатами резвятся. Приток Амура рядом. Рыбы — море, красная икра — повседневный рацион. Меня затем назначили межрайонным инженером-лесопатологом. Ставила диагнозы деревьям, боролась с болезнями. А потом, после развала СССР, начался хаос. Понаехало туда браконьеров, кету массово уничтожали. Икру вынимали, а рыбы тушки прямо так на берегу бросали. Пожары в тайге — один за другим. Сердце кровью обливалось. Неважное здоровье дочки вынудило вернуться в Беларусь, хотя работать на севере было очень интересно.

Леса наши, делится наблюдениями Надежда Вишневская, от таежных сильно отличаются. И их болезни тоже. Тайга более чистая, девственная. Она меньше подвержена воздействию человека, там защитные функции у леса сильнее, он со многими проблемами сам справляется. А у нас, например, лес рубят, и тут же на запах смолы слетается короед-типограф, нападает на ослабленные ели. Лиозненский

район — в тройке самых неблагополучных на Витебщине по этому виду вредителя. Эффективных способов борьбы нет, приходится проводить массовые санитарные вырубki.

— А вот с зимней пяденицей немного проще, — просвещает меня Надежда. — В конце сентября вывешиваем на деревьях специальные ловушки. Интересно, что бабочки-самки не летают — они поднимаются по стволу. Но зато на их запах слетаются самцы. Они чувствуют его в радиусе 50 гектаров. Мы используем приманки с феромонами, и в каждую ловушку попадают до 300 «вражеских» особей. А вот что касается короедов — там, наоборот, с помощью феромонов обманываем самок, они в поисках несуществующего партнера залезают в специальные стаканы-приемники, набиваются до 12 тысяч особей. Широко используем и биологические методы борьбы — вешаем скворечники, устраиваем муравейники. Вот, видите, на веточке большое насекомое, похожее на бабочку? Это сосновый бражник — грызет хвою. Очень опасный, быстро размножается и достигает 3—5 сантиметров в длину...

Судя по всему, мой экскурсовод может часами рассказывать о лесных обитателях. Причем рассказывать совсем нескучно. Этим и увлекла десятки мальчишек и девчонок из лиозненской СШ №1, где проводит занятия в школьном лесничестве. Завтра вместо меня в лес с этим необычным доктором пойдут семиклассники — они тоже будут учиться лечить лес. Им предстоит взять пробы «подстилки» — снять срез грунта и листвы. По количеству жучков, червячков, личинок и куколок будет сделан

прогноз: от каких хворей придется спасать
лесные угодья в следующем году?

a_veresk@mail.ru

Автор публикации: **Елена БЕГУНОВА**

Источник: Рэспубліка. — 2015. — № 177
(19 верасня). — С. 1, 6.